

В. Сырокомла

**История польской
литературы**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Сырокомла**
История польской литературы: Том 2 / В. Сырокомла – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 487 с.

ISBN 978-5-519-14498-8

ISBN 978-5-519-14498-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТЪ НАЧАЛА ЕЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

ЛЮДВИГА КОНДРАТОВИЧА

(ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ).

ТОМЪ II.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

С. КУЗЬМИНСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 2 дня, 1861 года.

Ценсоръ *И. Роскошанко.*

VI. ЛЕГКАЯ ПРОЗА.

САТИРИЧЕСКІЯ ЛИСТЫ. — ПОВѢСТЬ И РОМАНЪ. — СОЧИНЕНІЯ ПРАВСТВЕННЫЯ И ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЯ. — ПУТЕШЕСТВІЯ ПОЛЯКОВЪ ВЪ ДРУГІЯ СТРАНЫ И ЧУЖЕЗЕМЦЕВЪ ВЪ ПОЛЬШУ.

Переходъ отъ повѣи къ точнымъ наукамъ составляетъ легкая проза, не имѣющая чисто-ученаго значенія, предназначенная для чтенія популярнаго съ цѣлю соединить пользу съ удовольствіемъ, образовать нравы, или дѣйствовать на общество въ извѣстномъ данномъ направленіи. Въ эпоху Ягеллоновъ намъ остается исчислить нѣсколько книгъ, какъ польскихъ, такъ и латинскихъ (потому-что большинство у насъ читало по-латыни).

Сюда прежде всего принадлежать критическіе листы, пасквили, писанные прозою, и вся такъ-называемая брошюрная литература, которая въ нашей эпохѣ еще довольно бѣдна, но въ эпоху Вазовъ возрасла до огромнаго числа книгъ и сдѣлалась почти тѣмъ, чѣмъ теперь стали наши газеты. Партіи религіозныя и политическія пользовались этимъ оружіемъ для поддержанія своихъ началъ и низложенія своихъ враговъ. До сихъ поръ нѣтъ еще собранія этой богатой отрасли нашей письменности, проливающей столько свѣта на исторію и обычаи Польши.

Здѣсь мы должны вспомнить о знаменитомъ пасквилѣ доминиканца Яна Фалькенберга на Ягелло и Поляковъ; въ немъ монахъ обѣщаетъ царство небесное тому, кто рѣшится истребить Поляковъ и ихъ короля. Этотъ пасквиль на Константскомъ соборѣ въ 1418 надѣлалъ много шума; папа Мартинъ V, нерасположенный къ Полякамъ, безнаказанно пропустилъ это дѣло и приказалъ молчать польскимъ посланцъ, которые протестовали противъ него; но отцы собора, какъ свидѣтельствуемъ Длугошъ, соболѣзновали о томъ неумѣренномъ тонѣ, въ которомъ одинъ монахъ позволилъ себѣ отзываться о лучшемъ королѣ, приверженцѣ христіанской религіи.

Какой-то безименный авторъ на латинскомъ же языкѣ въ родѣ басни написалъ преострую сатиру на четвертый бракъ Ягелло съ Пилецкою.

Андрей Кржыцкій написалъ комлія *Dialecta asiana* на Петровскій сеймъ 1535 года, бывшій въ присутствіи короля. Между прочимъ онъ тамъ осмѣиваетъ Петра Горынского, царедворца Боны.

Кленовичъ писалъ противъ іезуитовъ, Папроцкій чернилъ Яна Замойскаго и т. д.

Польскій *романъ и новѣсть*, предназначавшіеся у насъ для общенароднаго чтенія людей, не знавшихъ языка латинскаго, обязаны своимъ происхожденіемъ не народнымъ потребностямъ, а простой спекуляціи книгопродавцевъ. Въ одно время съ распространеніемъ книгопечатанія пытались-было ввести у насъ средневѣковый рыцарскій романъ, но какъ онъ не соответствовалъ духу народа, то могло появиться едва лишь нѣсколько образцевъ.

Вѣнскій типографъ Геронимъ Вѣторъ, привлеченный славою Академіи и умственнымъ движеніемъ въ Польшѣ, перенесъ въ Краковъ свою типографію и, изготовивъ поль-

свѣй шриетъ, сталъ заботиться о томъ, чтобы выдать что-нибудь «забавное» (krotofilnego), болѣе интересное для народа. Для этой цѣли онъ употребилъ бакалавра *Яна изъ Кошицека*, который съ латинскаго переводилъ для него легкія сочиненія, бывшія въ ходу за границей. Первымъ трудомъ этого рода былъ переводъ очень древней легенды о Соломонѣ и Мархолтѣ подъ заглавіемъ: *Разговоры, которые велъ царь Соломонъ мудрый съ грубымъ Мархолтомъ* (1521 г.). Это первая печатная книга на польскомъ языкѣ; она украшена гравюрами. Цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что разумъ скрывается часто и подъ грубою наружностью и что, поэтому, презираемое всѣми дитя народа очень часто принуждено бываетъ для личной своей безопасности прикрывать свое природное остроуміе грубымъ покровомъ дикости.

Мудрый Соломонъ, воссѣдавшій на престолѣ Давидовомъ, увидалъ человѣка съ Востока, по имени Мархолта, и его жену. Наружность Мархолта была отвратительно-грязная; но когда царь израильскій хотѣлъ узнать отъ него: кто онъ таковъ, и когда простякъ сталъ говорить съ нимъ простонародными пословицами и поговорками, мудрый Соломонъ, не смотря на то, что не затруднился въ отвѣтахъ и не щадилъ затѣйливыхъ иносказаній, чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Стилль, языкъ и остроты этой книги грубы и чрезвычайно наивны. Притчи Соломона, которыя авторъ влагаетъ ему въ уста, заимствованы изъ книгъ Соломона, а поговорки Мархолта взяты изъ устъ простаго народа. Нѣкоторыя изъ нихъ очень удачны; напримѣръ. —

Тен piérwiéj gad poczyna, który zle spiéwa ¹.

¹ *Переводъ.* «Тотъ охотно начинаетъ первый, кто дурно поетъ.»

Który człowiek plewami sieje swoją rolę,
Taki pędzę będzie żął i swoją niewolę ¹.

Z tym kot rad mieszka we zgodzie,
Kto mu da lizać po brodzie.

· Niejednako śpiewa syty z tym, któremu się jeść chce.

Второе сочиненіе, переведенное Бошчыкомъ и изданное издвигеніемъ Вѣтора, есть: *Прекрасное и забавное сказаніе о Понціанъ, римскомъ императоръ, какъ онъ отдалъ сына своего Діоклетіана на обученіе семи мудрецамъ*. Быть-можетъ, тому же автору и издателю принадлежитъ: *Различіе между счастіемъ и добродѣтелью въ исторіи объ одномъ юношѣ* (1524).

Но Вѣторъ, вѣроятно, замѣтилъ, что въ Польшѣ, волнующей религиозными спорами, повѣсть не дѣлаетъ большихъ успѣховъ, а потому бросилъ ее и принялся издавать сочиненія аскетическія.

Были у насъ и романы (но всегда только въ переводѣ), какъ-то: *Знаменитая исторія о Гризелль Силлурской*, заимствованная изъ Боккаччіо, въ которой Вальтеръ, маркграфъ салуццскій, подвергаетъ ужаснымъ, неслыханнымъ испытаніямъ свою жену, чтобъ удостовѣриться въ ея любви. Были также: *Исторія о Маселлонъ и Фортунатъ*; *Исторія о безобразной Вдовѣ*, о *Барессоль*; *Забавная исторія о Бунцъ, который съ другими бился объ закладъ за вѣрность своей жены*. Но всѣ эти романтическія и забавныя (какъ утверждали сочинители) исторіи, не переходя въ просвѣщенные слои общества, приводили въ слезы, или смѣшили, однихъ только добродушныхъ мѣщановъ, или мелкопомѣстныхъ шляхтянокъ.

¹ Переводъ. «Кто плевалъ засѣваетъ свою кашу, тотъ пожметъ нужду и горе.»

«Съ тѣмъ кошка живетъ въ нирѣ, кто позволитъ ей лизать свою бороду.»

«Не въ одинъ томъ козъ смѣи съ тѣмъ, кому хочется ѣсть.»

Высшимъ значеніемъ литературнымъ и большею извѣстностію пользовались *нравственныя сочиненія* этой эпохи; а для насъ отдаленныхъ потомковъ того времени важнѣе другихъ *нравоописательныя сочиненія*. Разсмотримъ нѣсколько книгъ, написанныхъ въ обоихъ этихъ родахъ.

Патріархъ польскихъ писателей Николай Рей изъ Нагловицъ написалъ: *Зерцало или изображеніе, въ которомъ всь состоянія могутъ легко увидѣть свои дѣла, какъ въ зеркаль* (1567). Эта драгоценная книга представляетъ жизнь честнаго человѣка, при чемъ авторъ въ трехъ книгахъ, подраздѣляющихся на особыя главы, изображаетъ три періода человѣческой жизни и каждому возрасту даетъ соотвѣственныя ему наставленія. Въ отношеніи къ языку это сочиненіе очень замѣчательно: въ немъ мы слѣдимъ за образованіемъ польской рѣчи; по отношенію къ тогдашнимъ нравамъ, авторъ переноситъ насъ на сцену шестнадцатаго вѣка: мы видимъ домашнюю жизнь нашихъ предковъ такъ наглядно, какъ будто бы все это движеніе происходило тутъ же предъ нашими глазами. Юношеству совѣтуетъ онъ предаваться труду, чтенію и упражненіямъ въ рыцарскихъ играхъ, копьемъ попадать въ шапку, или перстень, а потомъ въ избранныхъ обществахъ приучаться къ разговорамъ и приличнымъ шуткамъ; даже танецъ и лютню онъ рекомендуетъ юношѣ, какъ необходимое развлеченіе. Во всемъ совѣтуетъ держаться умѣренности. Вотъ прекрасная картина нравовъ нашихъ предковъ: «Святые предки наши мало знали алебастровъ, мраморовъ, золота, серебра и пестрыхъ обоевъ. Цвѣтки и благовоныя травы были у нихъ обоями; шатеръ, или шалашъ изъ хворосту — вотъ ихъ мраморъ и алебастры; хлѣбъ, испеченный на огнѣ, кусокъ жареной баранины — вотъ ихъ блюда; вѣрная любовь, доброжелательная услужливость, справедливость, богобоязненность, умѣрен-

ность—вотъ всѣ ихъ украшенія и всѣ драгоценности». Поэтически говоритъ онъ объ истинѣ, утверждая, что она для всѣхъ добродѣтелей тоже, что майскій дождь для возникающей растительности. Говоря о дружбѣ, онъ употребляетъ особенный родъ сравненія: «Предупредительность и услужливость въ дружбѣ тоже, что салатъ къ жаркому изъ вепря». Рисуеть образъ друга: «Боже упаси отъ всякаго несчастія, но въ случаѣ нападенія на одного, другой уже стоитъ съ оружіемъ (szagyszupem). Случится ли какая-нибудь болѣзнь, другой бѣжитъ уже за докторомъ и, гдѣ можетъ, ищетъ помощи. А если услышитъ одинъ, что другаго зовутъ куда-нибудь въ судъ, хотя бы его тамъ и не было, онъ сейчасъ подастъ апелляцію и будетъ просить отсрочки. Случится ли какое-нибудь безпокойство, или опасность, ты имѣешь какъ будто бы три руки: и добро и зло все пополамъ».

Удачно изображаетъ также добрую и дурную сторону Поляковъ. «Смотри: гдѣ есть королевство, подобное нашему въ славѣ и знаменитости, или есть ли хоть одно изъ окрестныхъ королевствъ, которое бы не потребовало отъ него или какой-нибудь помощи, или какого-нибудь изъ естественныхъ произведеній?.. А все потому, что хотя въ другихъ странахъ и болѣе золота, серебра, пряностей, шелковыхъ тканей и другихъ предметовъ, но вѣдь все же это чуть не даромъ переходитъ къ намъ. Но такихъ людей, такихъ добродѣтелей, такихъ обычаевъ, такого мужества—какой народъ во всемъ этомъ можетъ сравниться съ нашимъ народомъ?... Счастливымъ называютъ то войско, въ которомъ видали Поляковъ...

«Если же, обернувши картину, взглянешь и на другую сторону: есть ли гдѣ-нибудь царство болѣе слабое, бессильное и болѣе равнодушное къ своимъ дѣламъ и нуждамъ, чѣмъ это славное и знаменитое королевство наше? Есть ли у насъ хоть

какое-нибудь определенное постановленіе, кромѣ суетныхъ и пустыхъ призывовъ (wici) на случай, если бы на насъ внезапно напалъ непріятель, чтобы мы что-нибудь съ нимъ дѣлали?.. Взгляни на эти людскіе наряды, уборы, обычаи, наружности; бродятъ толпы молодыхъ людей, которые, кажется, какъ львы, могли бы, по словамъ древней поговорки, и *съ чертомъ бороться*; а если встрѣтится какое-нибудь неважное замѣшательство, они бѣгутъ, ищутъ и не находятъ себѣ убѣжища. Тѣ же, которымъ это и было бы прилично, выглядываютъ изъ-за стѣнъ и за милію спрашиваютъ другъ у друга новостей. Стоять замки... стоять опустѣлыя стѣны; въ нихъ водятся воли и кабаны, и мы бережемъ ихъ, кажется, единственно для охраненія бастіоновъ отъ нашихъ враговъ».

Прекрасны картины сельскаго домохозяйства и внутренняго убранства домовъ честныхъ шляхтичей, «гдѣ приготовлены вкусныя яства», а вокругъ столовъ «блуждаютъ ребятишки (błazenkowie kuglują)» и т. д.

Рядомъ съ Реємъ мы привыкли всегда встрѣчать имя Яна Кохановскаго. Прозанческое сочиненіе послѣдняго: *Изложеніе добродѣтели*, заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ и удачныхъ сужденій. Выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Слово: добродѣтель, заключаетъ въ себѣ очень многое. Прежде всего мудрость, которая научаетъ насъ чего искать и чего беречься; потомъ справедливость, которая повелѣваетъ воздавать каждому должное; въ-третьихъ величіе духа, которое основывается на презрѣніи земныхъ благъ; въ-четвертыхъ скромность какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ. А отъ этихъ четырехъ добродѣтелей, какъ отъ четырехъ источниковъ, пристокаетъ много другихъ добродѣтелей, исправляющихъ нравы человѣчества».

«Двѣ вещи облагораживаютъ человѣка: нравъ и разумъ. Но если ты долженъ выбрать что-нибудь одно изъ двухъ, то бери лучше добродѣтель, чѣмъ ученость, потому-что ученость безъ добродѣтели—это мечъ въ рукахъ безумца: она вредитъ и себѣ, и другимъ.

«Если случится что-нибудь съ пріятелемъ, помни, что это лучший случай доказать, другъ ты ему, или нѣтъ... тогда прилично тебѣ на зло фортуны, которая такъ непостоянна, твердо держаться твоего друга» и т. д.

Эразмъ Гличнеръ, евангелическій пасторъ въ Гродзискѣ и Бродницахъ, издалъ въ 1558 г. *Книги о воспитаніи дѣтей* (*Książki o wychowaniu dzyeci*). Это полный трактатъ о воспитаніи дитяти съ минуты его рожденія до вступленія въ свѣтъ. По мнѣнію автора, ребенка, вскормленнаго молокомъ матери, а не наемной кормилицы, не должно слишкомъ баловать, не наряжать «пышно и нарядно, но сшить ему шальвары и казакинчикъ», потомъ отдавать на обученіе, но подъ строгій надзоръ, чтобъ оно «не было похоже на тѣхъ, которые, живя въ школахъ, или коллегіяхъ, мало занимаются науками, а больше ходятъ по корчмамъ, обзрѣвая домъ за домомъ, гдѣ лучше вино, или пиво». Юноша, отданный въ школу, долженъ имѣть добраго гувернера; по окончаніи курса ученія не нужно принуждать его къ выбору состоянія, но предоставить это собственному влеченію юноши. Во времена автора, званіе духовное открывало путь къ первостепеннымъ достоинствамъ. Гличнеръ порицаетъ тѣхъ родителей, которые изъ своихъ расчетовъ облакаютъ сына въ священническую одежду. «Ты ведешь его къ священству, хотя сынъ твой не чувствуетъ въ себѣ ни малѣйшаго призванія къ этому сану. Пускай лучше сынъ твой, батюшка, возьметъ плугъ и косу и, женившись, работаетъ дома, откармливая быковъ, и лучше пусть будетъ добрымъ